В. А. БАЖАНОВ

МОЖНО ЛИ УТВЕРЖДАТЬ НАЛИЧИЕ ЭВРИСТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ ИМЯСЛАВИЯ НА МАТЕМАТИКУ? *

Дискуссия об эвристическом значении философских идей для развития науки время от времени возобновляется. Оказывают ли философские идеи какое-то влияние на развитие науки (если да, то какое)? Способны ли вообще философские идеи каким-то образом стимулировать рождение новых научных концепций? Дискуссия то утихает, то возобновляется с новой силой.

Вновь задуматься над этой проблемой заставляет выход на русском языке книги известного американского философа и историка науки, хорошо знакомого русскоязычным читателям благодаря его трудам, посвященным анализу развития науки в России и СССР, Л. Грехэма и его французского коллеги Ж.-М. Кантора под интригующем названием «Имена бесконечности. Правдивая история о религиозном мистицизме и математическом творчестве» (СПб., 2011) [1]. Авторы книги настойчиво проводят мысль, что создание дескриптивной теории множеств академиком Н. Н. Лузиным и вообще рождение и развитие Московской математической школы, которое позволяет говорить о «золотом периоде», небывалом и уникальном расцвете математики в нашем отечестве, – всё это связано с тем, что основатели этой школы академики Д. Ф. Егоров и Н. Н. Лузин являлись убежденными имяславцами, – последователями учения, которое имело прочные философские корни. Речь идет о движении почитателей имени Божия, начавшегося в русских монастырях Афона в 1909–1913 гг. [2] и представленного такими мыслителями, как о. Павел Флоренский и А. Ф. Лосев, утверждавшими важность операции именования для познания, а в имяславии они якобы усматривали наиболее совершенную форму выражения сущности православия. Как известно, Флоренский учился математике, был знаком и даже довольно тесно какое-то время общался и с Егоровым, и с Лузиным.

Имяславие и в своем философском, и в религиозном аспектах тяготеет к мистицизму. По мнению Грехэма и Кантора, мистическое содержание имяславия делало Егорова и Лузина существенно более свободными от принятых в математическом сообществе стереотипов и установок, типичных для

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке грантами РГНФ (№10-03-00540а) и ФЦП Министерства образования и науки РФ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Автор признателен О. А. Саввиной (Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина), С. С. Кутателадзе (Институт математики им. С. Л. Соболева СО РАН) и Г. М. Полотовскому (Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского) за высказанные замечания и соображения по поводу настоящей работы.

[1] Ранее книга вышла на английском языке: *Graham, L., Kantor, J.-M.* Naming Infinity. A True Story of Religious Mysticism and Mathematical Creativity. Cambridge, MA; London, 2009. Русский перевод этой книги был осуществлен весьма оперативно. Далее ссылки даются на это издание.

[2] *Архиепископ Иларион (Алфеев)*. Имяславие // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 22. Ик–Ин. С. 457.

© В. А. Бажанов. ВИЕТ. 2012. № 3. С.

рационализма (особенно если иметь в виду их ближайших по тематике французских коллег). Рационализм, свойственный французам, по мнению авторов книги, тормозил развитие математики, а мистицизм обеспечивал русским математикам особый «кураж» и религиозная «ересь» оказалась своеобразными акушерским щипцами, позволившими родится новой математической концепции (см. с. 10, 66, 68, 98, 100 и т. д.).

В этой книге и еще ряде своих более ранних статей [3] Грехэм и Кантор провозглашают, что в самой сердцевине Московской математической школы находится «мистический религиозный фундамент», что религия играла первостепенную роль в пионерских работах Егорова, Лузина и (даже!) его учеников, что Флоренский заразил идеями имяславия этих выдающихся математиков и они переложили эти идеи на математический язык (с. 97). Уподобление операций «именования» множеств именованию Бога, которое предполагают Грехэм и Кантор, выглядит явно искусственным, не имеющим отношения к истокам и развитию идей этой школы [4].

Действительно ли этим исследователям удалось обнаружить скрытые доселе источники математического творчества, которые непосредственным образом связаны с философскими представлениями, лежащими в основе имяславия (в духе номинализма)? Действительно ли математическое творчество Лузина и его последователей питалось нетривиальными идеями имяславия, которое возникло среди афонских монахов в начале XX в. и получило – несмотря на отчаянное сопротивление высших православных иерархов – некоторое распространение среди монашества и интеллигенции, а затем новым советским режимом было окончательно искоренено каленым железом? Если ответы на данные вопросы положительны, то одна из сторон дискуссии, признающая факт решающего воздействия философских идей на развитие науки, получает весьма веские аргументы в свою пользу.

Вряд ли можно отрицать факты влияния (при определенных условиях и в определенные периоды) философских идей на генезис и развитие научных концепций. Более того, с утверждением о том, что религиозность носителей научного знания (Егорова и Лузина) в определенной степени способствовала развитию математики, можно согласиться. Но только в той его части, которая касается влияния религиозного мировоззрения на формирование личностных качеств ученого (прежде всего, благодаря их своеобразной академической «аскезе» и преданности предмету, самоотверженному труду, вере в конечный результат и мужеству противостояния тоталитарному государству и нечистоплотным коллегам), необходимых для проведения упорного исследования. Другое дело – переложение идей имяславия на математический язык. Это суждение более чем сомнительно.

Между тем идея Грехэма и Кантора о том, что имяславие сыграло решающую роль в разработке Лузиным и его учениками дескриптивной теории мно-

---

[3] См., например, *Graham, L., and Kantor, J.-M.* Russian Religious Mystics and French Rationalists: Mathematics, 1900–1930 // Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences. 2005. Vol. 58. № 3. P. 12–18.

[4] См. также: *Геронимус А., Демидов С. С., Паршин А. Н.* Некоторые замечания к статье Л. Грехэма и Ж.-М. Кантора // ВИЕТ. 2006. № 3. С. 82.

жеств, идея, безусловно центральная в их книге, представляется нам красивой, элегантной, притягательной, но настолько красивой и притягательной, насколько и *ошибочной*. Увы, далеко не всякая красивая идея имеет шанс соответствовать истинному положению вещей. Совсем недостаточно высказать идею и тем самым присвоить имя некоторому событию и/или множеству вещей с тем, чтобы это событие и/или множество вещей приобрели модус реального существования. Именно в этом процессе, который относится к аналогиям между посылкой имяславия (имя Бога есть сам Бог) [5] и процедурами получения так называемых именованных (и иных) множеств в работах Лузина, Грехэм и Кантор усматривают основание для утверждений о том, что религиозный мистицизм оказался в высшей степени эвристически насыщенным и плодотворным в случае Московской математической школы. Речь идет о том, что некоторые семейства множеств создаются посредством определений (акт «творения» математиками множеств), а имяславцы творят Бога посредством поклонения его имени.

Постараемся привести аргументы в пользу того, что в данном случае философская по своей сути идея (выраженная в имяславии) в реальности для создания дескриптивной теории множеств Лузиным сколько-нибудь важного (или вообще!) значения не имела.

1. В концепции Грехэма и Кантора ключевую роль играет о. Павел Флоренский, который некоторое время учился математике (расставшись с ней после принятия сана священника) и был хорошо знаком с основателями Московской математической школы будущими академиками Егоровым (он, впрочем, был избран лишь почетным академиком) и Лузиным.

Флоренский действительно в определенный период своей жизни являлся сторонником имяславия. Однако весьма осторожным сторонником. Осторожным настолько, что никогда при своей жизни под своим именем в его поддержку ничего не опубликовал. Более того, он не решился подписать предисловие к книге о. Антония (Булатовича), активного имяславца, «Апология веры в Божественность Имен Божьих и Имени Иисуса (против имеборствующих)» [6], в которой тот провозглашал, что истое христианство и церковь всегда стояли на почве идеализма в решении всех вопросов вероучения и жизни. Напротив же, псевдо- и антихристианство и инославие всегда держались номинализма и рационализма. Таким образом, имяславие, по замыслу его сторонников явно, тяготело к реализму (как оппозиции номинализму [7] – если использовать терминологию, типичную для средневековой философии). В области оснований математики, стало быть, речь шла о платонизме, который обычно был (и остается) присущим большинству активных математиков, задумывающихся об

---

[5] Подробнее об имяславии см.: Имяславие. Антология / Ред. Е. С. Полищук. М., 2002; а также *Архиепископ Иларион (Алфеев)*. Имяславие…; *Гурко Е. Н.* Божественная ономатология: именование Бога в имяславии, символизме и деконструкции. Минск, 2006.

[6] *О. Антоний (Булатович)*. Апология веры в Божественность Имен Божьих и Имени Иисуса (против имеборствующих). М., 1912.

[7] Правда, Грехэм и Кантор утверждают, что имяславцы – номиналисты, а имяборцы – антиноминалисты (т. е. реалисты? – *В. Б.*). См.: Graham, Kantor. Russian Religious Mystics… P. 15. Впрочем, представляется, что ситуация здесь сложнее, чем та, которая может быть осмыслена в терминах оппозиции номинализма и реализма.

основаниях своей науки и модусе «существования» объектов математической реальности и ее познании.

Будучи профессором Московской духовной академии, Флоренский, несмотря на упорные и неоднократные просьбы о. Антония (Булатовича), никоим образом не помог напечататься имяславцам в «Богословском вестнике», который издавался академией. Здесь так и не появилось ни одного материала, который хоть как-то представлял точку зрения имяславия.

В публичных выступлениях о. Павел поддерживал имяславие (сохранился полный текст его доклада «Об имени Божием», прочитанном 18 июля 1921 г. в храме св. Николая). В 1921–1922 гг. он написал статью «Имяславие как философская предпосылка» [8], но большая часть его рассуждений об имяславии при его жизни не была опубликована.

Более того, Грехэм и Кантор заявляют, что Флоренский был пионером в распространении теоретико-множественных представлений в России. Это не совсем так.

Известный математик и деятель в области математического образования профессор Казанского (а затем Петербургского и Московского) университетов А. В. Васильев (1853–1927) еще в 1895–1897 гг. переписывался с основателем теории множеств Г. Кантором [9], высоко ценил и пропагандировал его идеи [10]. Этим же занимался в конце XIX – начале XX в. В. Л. Некрасов, С. О. Шатуновский (1859–1929) в 1901–1902 гг. высказывал и обосновывал сомнение в применимости закона исключенного третьего к бесконечным множествам [11], в 1907 г. была опубликована книга И. И. Жегалкина (1869–1947) «Трансфинитные числа» [12], а еще в 1902 г. вышла книга А. В. Васильева «Введение в анализ», где затрагивались вопросы теории множеств. Кстати, эта книга (только второе ее издание 1908 г.) и труд Жегалкина упоминаются Флоренским в его классическом труде «Столп и утверждение истины» [13].

Конечно, не стоит умалять и роль Флоренского, уделившего в своей кандидатской диссертации большое внимание популяризации идей Кантора, Бореля и Дедекинда [14], хотя влияния эта работа на развитие идей теории множеств в России не оказала. Егоров вообще относился к математическим трудам Флоренского крайне критически, а Лузин их просто не замечал [15]. Вместе с тем, нельзя упускать из виду и особенно важную в данном случае *хронологическую последовательность эволюции мировоззренческих взглядов богослова и математика*. Диссертация Флоренского появилась в 1903 г., когда имяславия еще не было и в проекте, задолго до появления идеи имяславия и уж тем более

---

[8] *Архиепископ Иларион (Алфеев)*. Имяславие… С. 482.

[9] См.: *Бажанов В. А.* История логики в России и СССР. М., 2007. С. 176–177.

[10] См.: *Колмогоров А. Н., Юшкевич А. П.* Послесловие // *Кантор Г.* Труды по теории множеств. М., 1985. С. 378.

[11] См.: *Бахмутская Э. Я.* О ранних работах С. О. Шатуновского по основаниям математики // Историко-математические исследования. М., 1965. Вып. 16. С. 207–216.

[12] *Жегалкин И. И.* Трансфинитные числа. М., 1907.

[13] В факсимильном издании этой книги (М., 1990, Т. 1. Вып. 2) они упоминаются на с. 792.

[14] *Флоренский П. А.* Введение к диссертации «Идея прерывности, как элемент миросозерцания» // Историко-математические исследования. М., 1986. Вып. 30. С. 162–168.

[15] См.:: *Геронимус, Демидов, Паршин.* Некоторые замечания… С. 81.

имяславческого спора. Поэтому если уж в этом случае устанавливать причинно-следственные связи философии и математики, то правильнее сказать, что математические исследования Флоренского стимулировали его философские и богословские изыскания, а не наоборот.

2. Егоров был действительно близок с имяславцами и лидер имяславцев о. Давид (Мухранов) был даже его духовным отцом, но при этом свои мировоззренческие взгляды Дмитрий Федорович никак не связывал с научными. Он не допускал смешения метафизики и науки. Будучи глубоко верующим человеком, Дмитрий Федорович считал область веры делом личным: ни на одной из своих лекций он не касался не только религиозных, но даже и философских вопросов. Более того, и до, и после революции, как свидетельствуют его современники, ученый считал недопустимым включение какой бы то ни было идеологии в математику. Егоров полагал, что математика является самодостаточной наукой и не нуждается ни в философском, ни в религиозном «подкреплении». Об этой черте Егорова в книге Грехэма и Кантора, кстати, говорится (с. 73).

Лузин принял всей душой этот завет своего учителя. Через несколько лет уже своих учеников он будет наставлять примерно такими же словами:

> Метафизика отделена от науки непроницаемой стеной. Между ними нет никаких связей. В метафизике может быть застой, а может быть расцвет и бурная, кипучая активность. Ни в том, ни в другом случае это не окажет ни малейшего влияния на процессы, происходящие в науке [16].

3. Грехэм и Кантор утверждают факт глубокого воздействия взглядов Флоренского (как математика!) на отечественную математику, особенно на научное творчество Егорова и Лузина (с. 97). Однако никаких документальных свидетельств не приводится. И это понятно, поскольку Флоренский строил математические модели исключительно с целью прояснить некоторые теологические понятия. Как известно, он сразу же после получения математического образования выбрал стезю богословия. В его фундаментальном произведении «Столп и утверждение Истины» хотя и затрагиваются теоретико-множественные представления, но не делается никаких попыток их развить, так сказать, в собственно математическом направлении; эти представления используются лишь с целью разъяснения ряда богословских идей.

Переписка Флоренского с Егоровым и Лузиным носила характер личностной, духовной поддержки и, если хотите, общекультурной, но никак не характер обсуждения животрепещущих математических проблем (а таковых в начале XX в. было множество!). Короче говоря, утверждение о глубоком воздействии Флоренского как математика на отечественных коллег выглядит голословным. То обстоятельство, что и Егоров, и в зрелые годы Лузин были верующими людьми (что никоим образом не отражалось на их математической деятельности, а Егоров, как говорилось выше, даже специально подчеркивал недопустимость каких-либо «идеологических» привнесений в научные

---

[16] *Бескин Н. М.* Воспоминания о Московском физмате начала 20-х годов // Историко-математические исследования. М., 1993. Вып. 34. С. 173.

труды [17]), не может служить аргументом в пользу того, что их религиозные воззрения каким-то (чудесным) образом повлияли на создание дескриптивной теории множеств.

Положение Грехэма и Кантора о том, что имяславие удивительным образом раскрепощает математическое творчество (а рационализм, характерный для выдающихся французских математиков, якобы не сумевших возвыситься до новой математической теории, наоборот, закрепощает), положение, которое является одной из опорных точек книги, оказывается не подкрепленным сколько-нибудь вескими (и вообще) аргументами.

4. Идея Грехэма и Кантора о влиянии имяславия на развитие Московской математической школы в целом является неверной, поскольку свидетельствует о *хронологически рассогласованном их видении последовательности событий*. Действительно, истоки Московской математической школы уходят еще в XIX в. (идеи Н. В. Бугаева, например [18]), а первые ее существенные результаты связаны с доказательством Егоровым и Лузиным теорем об измеримых функциях, которые были получены еще в 1911 г. [19]! Начало распространения имяславского движения за стены Афона началось позднее – его следует датировать не ранее 1912–1913 гг., когда появились первые публикации на эту тему в журналах «Русский инок», «Новое время» и «Колокол» [20].

5. Наконец, о самом, кажется, важном: являлся ли родоначальник дескриптивной теории множеств Лузин имяславцем и если да, играло ли это значительную роль в его математическом творчестве? Каких-либо документальных свидетельств о том, что Лузин являлся сторонником имяславия, нет. Во всяком случае в его рукописном и академическом наследии такие свидетельства не обнаружены. Грехэм и Кантор заявляют, что Лузин был уверен в связи математики и религии, но не мог рассуждать об этом открыто из-за враждебности большевистского режима к религии вообще и его собственного окружения в частности. Однако, быть может, существуют косвенные данные, касающиеся его приверженности к имяславию и убеждения о связи религии и математики? Таковых, по нашему мнению, не предъявлено, и они до сих пор не обнаружены. Более того, можно со значительно бóльшей уверенностью утверждать, что истоки математического творчества Лузина следует искать в трудах его французских учителей и коллег, с которыми он долгое время совместно работал (как в период своей заграничной «стажировки», так и во время само-

---

[17] См.: *Демидов С. С.* Профессор Московского университета Дмитрий Федорович Егоров и имяславие в России в первой трети XX столетия // Историко-математические исследования. М., 1999. Вып. 4 (39). С. 135. Подробнее о Егорове см.: *Колягин Ю. М., Саввина О. А.* Путь ученого и христианина. М., 2010.

[18] См.: *Демидов С. С.* Н. В. Бугаев и возникновение московской школы теории функций действительного переменного // Историко-математические исследования. М., 1985. Вып. 29. С. 113–124; *Колягин, Саввина.* Дмитрий Федорович Егоров… С. 100–130.

[19] См., например: *Богачев В. И.* К истории открытия теорем Егорова и Лузина // Историко-математические исследования. М., 2009. Вып. 13 (48). С. 54–67.

[20] Среди первых публикаций: *Антоний (Храповицкий), архиепископ.* Письмо в редакцию // Русский инок. 1912. № 15. С. 60–62; *И. А.* Вести с Афона // Русский инок. 1912. № 21–22, С. 83; *Иволгин С.* Об Афонском волнении и догматических спорах // Новое время. 11 апреля 1913 г., № 13320 и др.

стоятельной деятельности в Москве), а вовсе не в русском религиозном мистицизме.

П. Дюгак в своих письмах к А. Лебегу, с которым Лузин тесно сотрудничал, писал:

> Разве не Лузин реализовал в Москве французское направление в науке…? Из всех советских математиков, труды которых, по крайней мере частично, были навеяны источниками французского происхождения, Лузин был наиболее представительным.
>
> Его главный труд «Аналитические множества» был опубликован в знаменитой серии математических монографий. В этой работе Лузин показал себя как наиболее сильный последователь Р. Бэра. Лузин основывает на идее А. Лебега свою фундаментальную теорию решетчатых множеств, он связывает с концепциями Э. Бореля свои глубокие исследования по трансфинитам. Таким образом, именно от этих трех основателей современной французской школы Лузин ведет свои исследования, гениальной оригинальностью которых восхищаются и которая признана во всех странах с высокой математической культурой [21].

Следуя по пути, начертанном его французскими учителями и коллегами, Лузин работал в традициях так называемого эффективизма (иногда именуемого полуинтуитионизмом) и развивал эти традиции, заложенные как раз французской школой теории функций и множеств, ядро которой составляли Э. Борель, Р. Бэр и А. Лебег. Эффективизм был вызван к жизни недовольством крайней абстрактностью канторовской теории множеств (философские воззрения Кантора уверенно могут быть охарактеризованы в терминах платонизма или же, несколько иными словами, аристотелевского реализма). Центральные абстракции канторовской теории множеств – актуальная бесконечность, трансфинитная индукция и т. п. – в эффективизме переосмысливались под углом зрения принципов эмпиризма. Это означало, что допустимые в эффективизме абстракции проходили проверку на их определимость (выразимость) и индивидуацию.

> Поэтому вовсе не случайно эффективисты в качестве реальных множеств признавали только счетные (как доступные опыту), а все другие (трансфинитные) рассматривали (еще до гильбертовского формализма) как идеальные объекты, возможно полезные (в качестве символов) для классификации математических реалий, но лишенные эмпирического содержания. В итоге главной философской заслугой эффективизма является конструктивное (выделено нами. – *В. Б.*) осмысление континуума без ясной идеи самих конструктивных методов. По существу эффективизм и положил начало осознанию важности этих методов в математике, –

тонко и совершенно справедливо замечает М. М. Новоселов [22]. Действительно, дескриптивная теория множеств решает вопросы эффективного опреде-

---

[21] *Дюгак П.* «Дело» Лузина и французские математики // Историко-математические исследования. М., 2000. Вып. 5 (40). С. 138–139.

[22] *Новоселов М. М.* Эффективизм // Новая философская энциклопедия / Ред. В. С. Степин, Г. Ю. Семигин. М., 2001. Т. 4. С. 487.

ления математических объектов и разрешимости математических проблем. Таким образом, симпатии Лузина склонялись в сторону того, что чуть позже получило название конструктивизма.

Здесь уж никак не до «мистицизма», который, согласно Грехэму и Кантору, был присущ имяславию и раскрепощал математическое творчество. Оно у Лузина по-прежнему протекало как образцовая рациональная деятельность, развивавшая идеи французской школы теории функций и множеств и позволившая совершить качественный прорыв в виде дескриптивной теории множеств.

Идея обусловленности рождения дескриптивной теории множеств имяславием оказалась своего рода откровением и для тех, кто тщательно изучал архивные материалы, касающиеся Лузина. Так, Р. Кук – большой знаток истории математики в России и СССР, который занимался изучением его архива, пишет, что ничего намекающего на имяславие в этом архиве он не усмотрел (что, впрочем, не воспрепятствовало его осторожному принятию данной фантастической идеи) [23]. Предпринятые до сих пор попытки обнаружить документы о причастности Лузина к имяславию в личном фонде ученого, хранящегося в Архиве РАН, не дали результатов [24].

Даже в яростной кампании против Лузина, развернутой большевиками и, увы, членами Лузитании (непосредственными учениками ученого), в доносах Э. Я. Кольмана, в то время заведующего отделом науки Московского комитета ВКП(б), ни слова не говорилось не то что об имяславии, даже о религиозности Лузина. Уж эти люди не преминули бы воспользоваться в антилузинской кампании эти аргументы (как они не побрезговали обвинить своего учителя в плагиате, а Кольман – даже в том, что Лузин получал инструкции от самого Гитлера!). Совершенно очевидно, что инспирированный Сталиным план «реформирования» советской науки, которая не должна преклоняться перед буржуазными авторитетами, умело использовали ученики ученого (среди которых были, увы, и выдающиеся математики) для того, чтобы расчистить себе «место под солнцем».

Да и всё грубо сфабрикованное дело так называемого Всесоюзного и административного центра контрреволюционной церковно-монархической организации «Истинно-православная церковь», по которому проходил Егоров (причастный к имяславию), фактически обходило проблему имяславия стороной [25]. Таким образом, даже под пристальным взглядом сотрудников ОГПУ (а потом НКВД), выискивающих любые предлоги для репрессий (а в отсутствии таковых выдумывающих их), тема имяславия осталась за кадром.

6. Одним из первых мысль о том, что имяславие сыграло какую-то роль в разработке дескриптивной теории множеств, высказал С. С. Демидов, но он подчеркнул, что это не более чем гипотеза, и к обсуждению ее следует подхо-

---

[23] *Cooke, R.* Naming Infinity // The Mathematical Intelligencer. 2009. Vol. 32. No. 1. P. 63.

[24] Речь идет о фонде 606 (Лузин Николай Николаевич) в Архиве РАН, содержащем 792 дела.

[25] По этому делу проходили самые различные люди, бесконечно далекие от имяславия, даже, например, крупный отечественный философ и богослов В. И. Несмелов (см.: *Бажанов.* История логики… С. 103).

дить «осторожно, с большим тактом, не теряя чувство меры», что здесь вряд ли можно ожидать сенсационных результатов [26]. Тем не менее, Грехэм и Кантор ради сенсации проявили неосторожность и явно потеряли чувство меры (из 230 страниц их книги обсуждению собственно центральной идеи посвящено от силы десяток страниц! Остальной текст посвящен пространным рассуждениям о том, что такое имяславие, каковы особенности математики во Франции и т. п.). Подводя своего рода итог своему «исследованию», авторы проговариваются: «Это достижение (создание новой математической теории. – *В. Б.*) могло бы, вероятно, произойти и без участия религиозной ереси, но […] это случилось в контексте мистического имяславия» (с. 184). Как же тогда быть с их суждениями о тормозящей роли в математике французского рационализма?

Вообще, в историко-научной книге, которая должна строго следовать фактам, встречается множество сомнительных предположений.

7. О потере чувства меры и такта говорят и рассуждения авторов о якобы нетрадиционной сексуальной ориентации ряда выдающихся советских математиков (как это вообще соотносится с темой, касающейся имяславия!?). Характерен их стиль рассуждения: «Хотя гомосексуальность играла определенную роль в ранние годы существования Московской математической школы (откуда известен и заслуживает ли упоминания данный факт!? – *В. Б.*), никаких свидетельств о гомосексуальной связи Лузина и Флоренского нет» (с. 85–86). Такими выражениями можно унизить любого человека. Я не хотел бы комментировать пересказ сплетен по поводу семейной жизни Егорова (с. 76), неприличные намеки в адрес Н. К. Бари и Лузина (с. 103, 150), неприличных высказываниях в адрес П. С. Александрова, А. Н. Колмогорова и П. С. Урысона (с. 164–178), создающих впечатление, что едва ли не все крупные отечественные математики придерживались нетрадиционной сексуальной ориентации.

В книге множество неточных и необоснованных высказываний. На с. 92 мысль А. Белого изложена авторами искаженно – так, чтобы соответствовать их замыслу; аналогично проинтерпретировано письмо Лузина (с. 93); И. А. Стратонов – историк и архивист – назначен Грехэмом и Кантором деканом физико-математического факультета (с. 111); татары якобы отказываются купаться в озере Кабан не по причине крайнего загрязнения последнего, а потому что Иван Грозный там топил защитников Казани (с. 134); Флоренский изучал вечную мерзлоту в районе реки Амур (с. 140) и т. п. Одним словом, данная книга изобилует недостоверными фактами и построена на весьма зыбком основании. Авторы рассуждают в духе их высказывания (с. 158): «Возможно, оно так и было, но знать об этом наверняка мы не можем». Тем не менее, они не только рассуждают, но и довольно уверенно заявляют свою позицию по поводу рождения дескриптивной теории множеств.

Увлечения математиков своим предметов и их страстные семинары (вполне естественные для ученых, находящихся в интенсивном научном поиске) Грехэм и Кантор почему-то описывают в религиозных терминах: «духовность» математических семинаров, их интеллектуальная, «почти религиозная» энер-

---

[26] *Демидов.* Профессор Московского университета Дмитрий Федорович Егоров… С. 148.

гия (которая приписывается даже А. Гротендику, утверждавшему, что математика не нуждается в религии) (с. 185), причем авторы отмечают возвращение в последние годы в математическую Москву «удивительной, почти религиозной» атмосферы (с. 107). Такие религиозные гиперболы никак не оправданы для «беспристрастного» историко-научного труда (как анонсируется книга).

Грэхем и Кантор недостаточно восприимчивы к критике. Так, за несколько лет до выхода их книги, стержневые ее идеи были опубликованы в журнальном варианте [27], который сопровождался довольно подробными критическими комментариями протоирея А Геронимуса, С. С. Демидова и А. Н. Паршина [28]. Однако эти замечания услышаны авторами не были. Надо полагать, они остались слишком завороженными своей идеей обусловленности возникновения и достижений Московской математической школы имяславием.

Поиск философской, социальной и политической обусловленности научных открытий является важной и нетривиальной задачей. Предложенное в книге Грехэма и Кантора его решение для случая Московской математической школы начала XX в. оказалось, к сожалению, малоудачным. Тем не менее, это вовсе не означает, что экстернализм как направление в современной философии науки исчерпал свои возможности. Отнюдь. Это означает лишь то, что рассуждения о социально-политических предпосылках тех или иных научных открытий и направлений требуют более тонкого и взвешенного подхода.

Г. И. СИНКЕВИЧ

РЕЛИГИЯ И НАУКА В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ И ФРАНЦИИ: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Эта недавно вышедшая на русском языке книга Л. Грэхема и Ж.-М. Кантора – не первая их работа по истории русской науки, позволяющая взглянуть со стороны на процессы, происходившие в культурном и научном мире России и Европы. Книга посвящена связи религиозных течений начала XX в. с русской математикой. Авторы исследовали огромный материал, посвященный научной жизни Франции и России последней трети XIX – первой трети XX в., а также имяславию, возникшему как религиозное течение в 1907-м и подвергшемуся репрессиям в 1913 г. В это время в мировой математике происходили коренные изменения, ставшие следствием создания в последней трети XIX в. Г. Кантором теории множеств. Она позволила математике приобрести свободу фундаментальной науки, освободила ее от зависимости от прикладных наук. Прежде все понятия математики имели непременную связь с геометрией, физикой, механикой. Теория Кантора дала возможность формулировать новые понятия, обусловленные внутренней логикой математики, ее языка.

[27] *Грехэм Л., Кантор Ж.-М.* Два подхода к оценке математики как феномена культуры: Франция и Россия, 1890 – 1930 // ВИЕТ. 2006. № 3.

[28] *Геронимус, Демидов, Паршин.* Некоторые замечания…

© Г.И. Синкевич. ВИЕТ. 2012. № 3. С